

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
Р Е Ш Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОЙ ПАЛАТЫ ВЕРХОВНОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности частей 2, 5 статьи 259
Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики
в связи с обращениями Лесниченко Владимира Александровича,
Касымова Сухраба Шавкатовича, а также Борова Ислама Султановича,
представляющего интересы Кыргызско-Российского общества с
ограниченной ответственностью «Фирма АКIF» («АКИФ»)

13 января 2021 года

город Бишкек

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в составе: председательствующего – Дуйшеева К.А., судей Бобукеевой М.Р., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Осмонбаева Э.Ж., Саалаева Ж.И., Шаршеналиева Ж.А., при секретаре Лобановой Ж.А., с участием:

стороны-ответчика – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, Расуловой Айжан, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности,

иных лиц – Чилдебаева Таштемира Абазовича, представителя Аппарата Президента Кыргызской Республики по доверенности, Искакова Эркина Бакбуровича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Альчиева Рысбека Карагуловича, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Токторова Элдара Майрамбековича, представителя

Правительства Кыргызской Республики по доверенности, Курманбаевой Аиды Маратовны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 6 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 18, 19, 37, 42 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики»,

рассмотрела в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности частей 2, 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом к рассмотрению дела явились ходатайства Лесниченко В.А., Касымова С.Ш., а также Борова И.С., представляющего интересы Кыргызско-Российского общества с ограниченной ответственностью «Фирма АКIF» («АКИФ»).

Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики части 2, 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Заслушав информацию судьи-докладчика Кыдырбаева К.Дж., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и исследовав представленные материалы, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 3 февраля 2020 года поступило ходатайство Лесниченко В.А. и Касымова С.Ш. о проверке соответствия частей 2, 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики части 3 статьи 6, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40, частям 3, 5 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики.

Лесниченко В.А. и Касымов С.Ш. в своем ходатайстве отмечают, что частью 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – Уголовно-процессуальный кодекс) установлено, что постановление лица, осуществляющего досудебное производство, о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество подлежит рассмотрению следственным судьей в судебном заседании с участием прокурора по месту проведения досудебного производства в течение 24 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе участвовать подозреваемый, защитник и специалист, определяющий стоимость имущества. Неявка участников процесса в случае своевременного их извещения судом о месте и времени судебного заседания не препятствует проведению судебного заседания. Часть 5 этой же статьи определяет, что постановление следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество может быть обжаловано прокурором либо подозреваемым, защитником, потерпевшим, его представителем в апелляционном порядке в течение 5 суток.

По мнению заявителей, в оспариваемых нормах отсутствует указание на возможность и порядок обжалования постановления следственного судьи об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество.

В них также ограничен перечень лиц, имеющих право участвовать в судебном заседании по рассмотрению такого вопроса, что исключает возможность участия иных лиц, являющихся собственниками имущества, на которое налагается арест, тогда как часть 1 статьи 48 Уголовно-процессуального кодекса признает субъектом уголовного судопроизводства физическое или юридическое лицо, которое в силу закона несет имущественную ответственность за материальный ущерб и моральный вред, причиненный преступлением или проступком. Этим самым, как полагают заявители, ограничиваются права лиц, являющихся фактическими собственниками имущества, на судебную защиту, гарантированную частью 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

При этом субъекты обращения ссылаются на нормы международного права, в частности, на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, предусматривающие право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом.

По утверждению заявителей часть 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса, напрямую ограничивая право собственника имущества участвовать в рассмотрении вопроса о наложении ареста на его имущество, нарушает принцип состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, предусмотренный частью 3 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики. Согласно части 5 этой же статьи Конституции, процессуальные права участников судебного процесса, в том числе, право на обжалование решений, приговоров и других судебных актов, а также порядок их осуществления определяются законом. Однако часть 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса в целом лишает возможности лиц, фактически являющихся собственниками имущества, на которое налагается арест, обжаловать судебное решение, принятое без их участия, в вышестоящую инстанцию.

Кроме того, заявители утверждают, что отмеченная выше норма вступает в коллизию со статьей 390 Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей возможность обжалования в апелляционном порядке приговора, не вступившего в законную силу, а также иных судебных актов первой инстанции, в том числе постановления следственного судьи.

В обоснование своих доводов субъекты обращения акцентируют, что на данный момент в судах общей юрисдикции города Бишкек сложилась устойчивая практика ограничения права на обжалование постановления суда первой инстанции о наложении ареста на имущество путем применения оспариваемых норм.

Лесниченко В.А., Касымов С.Ш. полагают, что части 2, 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса противоречат положениям Конституции, а также международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика, и вступают в противоречия с иными нормами Уголовно-процессуального кодекса.

С учетом изложенного заявителя просят признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 5 марта 2020 года ходатайство Лесниченко В.А., Касымова С.Ш. было принято к производству.

9 июля 2020 года в Конституционную палату поступило ходатайство Борова И.С., представляющего интересы Кыргызско-Российского общества с ограниченной ответственностью «Фирма АКIF» («АКИФ») (далее – ОсОО «Фирма АКIF»), о проверке соответствия частей 2, 5 статьи 259 Уголовного процессуального кодекса части 3 статьи 16, части 1 статьи 40, части 3 статьи 99 Конституции.

Из ходатайства следует, что постановлением следственного судьи Первомайского районного суда города Бишкек (далее – следственный судья) от 23 июня 2020 года наложен арест на ежедневно извлекаемые денежные средства, расходную часть расчетных счетов и доли в уставном капитале ОсОО «Фирма АКIF», принадлежащие, в том числе, гражданину Фищенко С.В. Заявители отмечают, что данное постановление согласно оспариваемым нормам обжалованию не подлежит.

В соответствии с частью 3 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса наложение ареста производится на имущество подозреваемого, обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда, или других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Согласно части 3 статьи 26 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – Уголовного кодекса), юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания. К юридическому лицу могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия по основаниям и в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом, в частности, такие виды мер, как штраф, ограничение прав и ликвидация юридического лица (статья 124). В статье 126 названного Кодекса детализируются случаи ограничения прав юридического лица, в числе которых, как отмечают субъекты обращения, не значится такая принудительная мера, как наложение ареста на денежные средства юридического лица, другое его имущество или доли учредителей.

В связи с этим Боров И.С. считает, что ОсОО «Фирма АКИФ», являясь юридическим лицом, не может быть субъектом преступления – подозреваемым или обвиняемым, и на его имущество не может быть наложен арест, а вышеуказанное постановление суда незаконно.

Заявитель указывает, что в соответствии с частью 2 статьи 12 Конституции собственность неприкосновенна; никто не может быть произвольно лишен своего имущества; изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда.

При рассмотрении вопроса о наложении ареста на судебный процесс не были допущены защитники учредителей ОсОО «Фирма АКИФ» и представитель данного юридического лица, они были удалены из зала суда, заседание проходило без их участия. В связи с чем, они были лишены возможности аргументировать свои позиции по ходатайству органа следствия о наложении ареста. Основанием для недопуска лиц к участию на судебном процессе, как указывает заявитель, явилась часть 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса, которой руководствовался суд.

По мнению заявителя, следственный судья воспользовался тем обстоятельством, что ОсОО «Фирма АКИФ», его учредители, не будучи подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу, не могут быть

допущены в судебное заседание по вопросу о наложении ареста на их имущество. В этой связи собственники имущества ограничены во владении и пользовании своих заработанных денежных средств, поскольку на их доли в уставном капитале наложен арест, они лишены допуска к правосудию и не могут защитить свои права и свободы, хотя и не являются подозреваемыми или обвиняемыми по делу.

Субъект обращения указывает, что в нарушение конституционных прав человека часть 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса не предусматривает обжалование принятого решения о наложении ареста на имущество, допуская лишь одностороннее право в пользу правоохранительных органов апеллировать решение об отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество.

Заявитель считает, что собственники имущества, на которое наложен арест, необоснованно лишены права обжаловать вынесенное судебное решение и в этом плане подвергнуты дискриминации, законодателем же не предоставлено равное право всем участникам процесса.

Боров И.С. также указывает, что нарушена статья 3 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», предусматривающая принципы осуществления правосудия, в части равенства всех перед законом и судом; открытости и публичности разбирательства дел во всех судах; участия граждан в отправлении правосудия в порядке, определенном законом.

С учетом изложенного заявитель просит признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 4 сентября 2020 года ходатайство Борова И.С., представляющего интересы ОсОО «Фирма АКIF», было принято к производству.

В связи с тем, что требования Лесниченко В.А., Касымова С.Ш., а также Борова И.С., представляющего интересы ОсОО «Фирма АКIF»,

аналогичны по содержанию, в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» определением судьи-докладчика от 22 сентября 2020 года указанные дела соединены в одно производство.

В судебном заседании заявители поддержали свои требования и просят их удовлетворить.

Представитель стороны-ответчика Молдобаев А.Т. считает необходимым оставить ходатайства заявителей без удовлетворения по следующим основаниям.

В соответствии с частями 1, 2 статьи 12 Конституции в Кыргызской Республике признается разнообразие форм собственности и гарантируется равная правовая защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Собственность неприкосновенна. Никто не может быть произвольно лишен своего имущества. Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда.

Согласно части 2 статьи 20 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Такие ограничения могут быть введены также с учетом особенностей военной или иной государственной службы. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям.

Так, одним из мер, применяемых государством и ограничивающих право собственности, выступает арест на имущество, который является мерой уголовно-процессуального принуждения.

Частью 3 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса определено, что следственный судья, рассмотрев ходатайство о наложении ареста на имущество, выносит постановление об удовлетворении либо отказе в наложении ареста на имущество.

В последующем, согласно части 5 статьи 255 обозначенного выше Кодекса постановление судьи вступает в законную силу немедленно и подлежит обязательному исполнению. В случаях, предусмотренных указанным Кодексом, постановление следственного судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке и не приостанавливает его исполнение.

Вместе с этим, Молдобаев А.Т. отмечает, что в соответствии с частью 3 статьи 390 Уголовно-процессуального кодекса в апелляционном порядке могут быть обжалованы постановления следственного судьи. Право обжалования постановления судьи принадлежит подозреваемому, обвиняемому, их защитникам, потерпевшему, его представителю, а также прокурору. Согласно части 2 статьи 391 отмеченного Кодекса в апелляционном порядке рассматриваются жалобы и представления на постановления, вынесенные следственным судьей, в порядке судебного контроля.

Тем самым, представитель стороны-ответчика считает, что постановление следственного судьи об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество может быть обжаловано в апелляционном порядке.

Относительно права участия в судебном заседании иных лиц, являющихся собственниками имущества на которое налагается арест, представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики отмечает, что статьей 48 Уголовно-процессуального кодекса определено, что физическое или юридическое лицо, которое в силу закона несет имущественную ответственность за материальный ущерб или моральный вред, причиненный преступлением или проступком, привлекается в производство уполномоченным должностным лицом органа дознания, следователем, судом.

Приведя разные нормы Уголовно-процессуального кодекса Молдобаев А.Т. считает, что законодатель предоставляет каждому достаточные

правовые возможности для реализации своих процессуальных прав. С учетом изложенного он просит ходатайства заявителей оставить без удовлетворения.

Представитель Аппарата Президента Кыргызской Республики Чилдебаев Т.А. отмечает, что законодатель, указывая круг участников судебного заседания, при рассмотрении ходатайства о наложении ареста на имущество, не предусмотрел права всех заинтересованных лиц на судебную защиту.

В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса, следственный судья в ходе досудебного производства правомочен принимать решения о наложении ареста или снятии ареста на имущество, включая денежные средства физических или юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, на ценные бумаги и сертификаты.

Согласно части 3 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса при наложении ареста на имущество лицо, осуществляющее досудебное производство, выносит постановление о возбуждении перед следственным судьей ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда, или других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. К постановлению прилагаются заверенные копии материалов дела, подтверждающие обоснованность ходатайства.

Из отмеченного следует, что круг участников процесса шире и не ограничивается прокурором, подозреваемым, защитником, потерпевшим. Стало быть, такое правовое положение не позволяет лицу, являющемуся фактическим собственником имущества, защитить в судебном порядке свою собственность, на которое налагается арест.

Кроме того, законодателем не предусмотрен порядок обжалования постановления следственного судьи об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество. По мнению Чилдебаева Т.А., порядок

обжалования решений следственного судьи об удовлетворении или об отказе удовлетворения ходатайства о наложении ареста на имущество должен быть одинаковым. В противном случае нарушается принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, гарантированный частью 3 статьи 99 Конституции.

Представитель Правительства Кыргызской Республики Токторов Э.М. отмечает, что частью 5 статьи 255, частью 3 статьи 390, частью 2 статьи 391 и частями 1, 2 статьи 395 Уголовно-процессуального кодекса гарантируется право обжалования постановления следственного судьи в апелляционном порядке.

Кроме этого, оспариваемые нормы не содержат прямого запрета на обжалование постановления следственного судьи об удовлетворении ходатайства о наложении ареста, в связи с чем, указанное постановление следственного судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке.

Токторов Э.М. считает, что порядок и сроки обжалования постановления следственного судьи предусмотрены нормами главы 36 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в полной мере. Соответственно, оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Искаков Э.Б. придерживается следующей позиции.

В соответствии со статьей 123 Уголовно-процессуального кодекса в целях обеспечения исполнения приговора в части возмещения материального и (или) морального вреда, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества лицо, осуществляющее досудебное производство, обязано принять меры по наложению ареста на имущество. Потерпевший имеет право подать ходатайство следственному судье об аресте имущества с целью обеспечения возмещения материального и (или) морального вреда. При наложении ареста на имущество лицо, осуществляющее досудебное производство, выносит постановление о возбуждении перед следственным судьей ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого,

обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального и (или) морального вреда, или других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Искаков Э.Б. отмечает, что действие оспариваемых норм лишает лица, являющегося фактическим собственником имущества, права защиты в судебном порядке своей собственности, на которую налагается арест.

В реализацию положений частей 1, 2 статьи 12 Конституции, регламентирующих гарантии защиты частной собственности, статьей 48 Уголовно-процессуального кодекса предусматривается возможность привлечения в производство уполномоченным должностным лицом органа дознания, следователем, судом физического или юридического лица, несущего имущественную ответственность за ущерб, причиненный преступлением или проступком.

Однако при рассмотрении следственным судьей в судебном заседании ходатайства о наложении ареста на имущество, законодатель в части 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса обозначил участие подозреваемого, защитника и специалиста, определяющего стоимость имущества. Лица, являющиеся фактическими собственниками имущества, на которое налагается арест, в данный круг участников не включены, что, по мнению Искакова Э.Б. ограничивает их права на судебную защиту.

Основываясь на изложенном, представитель Верховного суда Кыргызской Республики считает, что оспариваемые нормы противоречат Конституции Кыргызской Республики.

Представитель Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики Альчиев Р.К. также полагает, что оспариваемые нормы противоречат Конституции, при этом отмечает следующее.

При осуществлении режима ареста имущества судебный контроль выступает залогом обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей, с тем, чтобы собственник имущества не подвергался чрезмерному

обременению вследствие возникновения сопутствующих факторов применения данной меры процессуального принуждения.

Между тем, наличие судебного контроля как такового, может и не обеспечить выполнения возложенных на него задач в случае отсутствия свободы обжалования судебных актов. Так, хотя конституционные и международно-правовые гарантии пересмотра судебных актов прямо не указывают об их отношении к промежуточным судебным решениям, следует подчеркнуть, что правосудие признается таковым при условии, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление нарушенных прав и свобод каждого. В этих целях требуется правовой механизм, который гарантировал бы вынесение законных, обоснованных и справедливых судебных актов, посредством использования системы судебных инстанций, обеспечивающих порядок их обжалования.

Конституционно-правовой основой такого обжалования выступают конституционные положения, предполагающие предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных судами ошибок при вынесении промежуточных судебных актов, а также обеспечить правильное исполнение итоговых судебных решений, одновременно, не вмешиваясь в осуществление дискреционных полномочий суда первой инстанции.

Представителем Министерства юстиции Кыргызской Республики Курманбаевой А.М. были приведены доводы, аналогичные доводам представителя Правительства Кыргызской Республики. При этом ею было отмечено, что в реализацию конституционных положений, предусматривающих право каждого на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом (пункт 3 части 5 статьи 20 Конституции), законодатель предусмотрел возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в кассационном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам. Целью указанных процессуальных инструментов является

проверка законности и обоснованности решений, выносимых судом, и тем самым, обеспечение эффективной защиты прав и свобод граждан.

Реализация закрепленного частью 1 статьи 40 Конституции права на судебную защиту обеспечивается путем закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве республики института обжалования судебных решений в апелляционном порядке. Так, часть 3 статьи 390 Уголовно-процессуального кодекса устанавливает, что в апелляционном порядке могут быть обжалованы постановления следственного судьи. Право обжалования постановления следственного судьи принадлежит подозреваемому, обвиняемому, их защитникам, потерпевшему, его представителю, а также прокурору.

С учетом изложенного Курманбаева А.М. считает, что оспариваемые заявителями нормы не противоречат Конституции.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, позиции иных лиц, и исследовав материалы дела, пришла к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 19 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по данному делу являются части 2 и 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса следующего содержания:

«Статья 259. Порядок рассмотрения ходатайства о наложении ареста на имущество

2. Постановление лица, осуществляющего досудебное производство, о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество подлежит рассмотрению следственным судьей в судебном заседании с участием

прокурора по месту проведения досудебного производства в течение 24 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе участвовать подозреваемый, защитник и специалист, определяющий стоимость имущества. Неявка участников процесса в случае своевременного их извещения судом о месте и времени судебного заседания не препятствует проведению судебного заседания. В ходе судебного заседания ведется протокол.

5. Постановление следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество может быть обжаловано прокурором либо подозреваемым, защитником, потерпевшим, его представителем в апелляционном порядке в течение 5 суток».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №20 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» от 15 февраля 2017 года №23-28, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституция Кыргызской Республики, признавая разнообразие форм собственности и гарантируя равную правовую защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, выделяет как одну из конституционно значимых ценностей - неприкосновенность собственности (части 1, 2 статьи 12). Раскрывая далее свою установку, Основной закон предоставляет каждому право на владение, пользование и распоряжение своим имуществом, результатами своей деятельности (часть 1 статьи 42). Это означает, что всякое противоправное посягательство на собственность влечет установленную законом ответственность и что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и не нарушают права и законные интересы других лиц.

Эти фундаментальные начала должны лежать в основе законодательного регулирования всех правоотношений в данной сфере,

включая определение оснований и порядка возникновения, изменения и прекращения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также определение объема их защиты и правомерных ограничений. Иными словами, допустимость в силу части 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики ограничения права собственности ни в коей мере не означает возможность произвольного или же несоразмерного вмешательства в отношения собственности, основываясь лишь интересами публичного характера.

К вопросу о фундаментальных основах природы права собственности не раз обращалась Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики. В своем решении от 3 сентября 2020 года она отмечала, что в системе ценностей, на которых базируется демократическое государство, право собственности занимает одно из важнейших мест в совокупности прав человека, представляя собой одну из основ его правового статуса. В тоже время собственность, являясь многогранной, сложной категорией, имеет всеобъемлющее значение для государства в целом, составляя экономическую основу производства и гражданского оборота.

В контексте сказанного вопросы обеспечения неприкосновенности собственности, правовой и судебной защиты, восстановления нарушенных прав собственников, безусловно, следует рассматривать в качестве одной из приоритетных задач, стоящих перед законодателем.

3. Одной из наиболее негативных форм проявления противоправных деяний являются преступления (проступки), сопряженные с нанесением материального ущерба и морального вреда.

В этой связи, законодатель вполне логично и справедливо относит к задачам уголовного судопроизводства не только защиту личности, общества и государства от преступлений и проступков, быстрое и полное их расследование, но и обеспечение возмещения материального ущерба и морального вреда.

В качестве правового механизма реализации обозначенных задач органы досудебного производства в установленном законом порядке применяют меры уголовно-процессуального принуждения, в числе которых особое место занимает такой ее вид, как наложение ареста на имущество. Она предполагает наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального ущерба и морального вреда, или других лиц, если у органа, осуществляющего досудебное производство, есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Наложение ареста на имущество – это мера уголовно-процессуального принуждения, суть которой состоит в запрете собственнику (или владельцу) имущества распоряжаться или пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение. Основной целью наложения ареста на имущество является установление препятствий к его возможному отчуждению, уничтожению или сокрытию. Из содержания наложения ареста на имущество следует, что оно состоит в ограничении права собственности, причем всегда ограничивается право распоряжения им, в отдельных случаях – право пользования, когда в результате использования утрачиваются полезные свойства. Если ограничения прав по распоряжению и пользованию не могут обеспечить цели наложения ареста на имущество, то допускается ограничение и права владения – имущество изымается и передается на хранение другим лицам или органам (части 6, 8 статьи 123 Уголовно-процессуального кодекса). Таким образом, арестованное имущество не может быть продано, подарено, обменено, уничтожено, сдано в наем или заложено. Поэтому данная принудительная мера является одним из наиболее эффективных способов обеспечения приговора суда в части возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением (проступком), а также применения такого воздействия, как конфискация имущества.

Наложение ареста на имущество носит с одной стороны превентивный, а с другой – обеспечительный характер.

Особенности применения наложения ареста на имущество обусловлены, главным образом, и как правило, его неотложностью. Неотложность в применении этой меры диктуется необходимостью нейтрализации в упреждающем порядке возможных усилий подозреваемого, обвиняемого по сокрытию и отчуждению похищенного имущества во избежание их обнаружения, законного изъятия или же конфискации. Исходя из этого, должностные лица органов досудебного производства на основе достаточных фактических данных, полученных в установленном процессуальным законом порядке, обязаны своевременно определить объективный перечень имущества, подлежащего аресту и способного в последующем обеспечить исполнение приговора в части возмещения причиненного преступлением (проступком) материального ущерба и морального вреда или же конфискации имущества.

Изначальное предназначение наложения ареста на имущество в значительной мере определяет действующий процессуально-правовой порядок рассмотрения следственным судьей ходатайства об этой мере процессуального принуждения.

Согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса постановление лица, осуществляющего досудебное производство, о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество подлежит рассмотрению следственным судьей в судебном заседании с участием прокурора по месту проведения досудебного производства в течение 24 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе участвовать подозреваемый, защитник и специалист, определяющий стоимость имущества (часть 2 статьи 259).

Законодатель в данном случае не предусмотрел возможности предварительного уведомления и последующего участия в судебном заседании лиц, являющихся фактическими собственниками имущества, но не

ответственными за возмещение материального ущерба или морального вреда.

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики, оценивая вышеуказанную оспариваемую норму с точки зрения конституционных установлений, на которые ссылаются заявители, считает, что подобный подход законодателя обусловлен не только необходимостью обеспечения конституционной гарантии о судебной защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений (проступков), предполагающей обязательное возмещение причиненного материального ущерба, но и оправдан следующими обстоятельствами уголовно-процессуального порядка.

Первое, наложение ареста на имущество, как уголовно-процессуальная, принудительная мера, допустима лишь при наличии достаточных фактических данных, полученных в установленном законом уголовно-процессуальном порядке, дающих основание полагать, что имущество, подвергаемое аресту, получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого; или оно необходимо для обеспечения возможного судебного акта о возмещении материального ущерба, морального вреда или предусмотренного уголовным законом такой меры уголовного воздействия, как конфискация имущества.

Второе, отнеся применение данной ограничительной меры к исключительной прерогативе суда, законодатель, учитывая ее специфику, установил кратчайшие сроки ее осуществления - 24 часа.

Третье, заблаговременное уведомление широкого круга лиц и увязывание разрешения вопроса в судебном заседании к своевременному извещению всех заинтересованных лиц может привести к мало- или неэффективности данной процессуальной меры, предоставляя недобросовестным лицам время для манипуляций с похищенным или представляющим ценность имуществом, тем самым, снижая вероятность полноценного восстановления в правах потерпевших, а также обеспечения иных мер уголовного воздействия.

Вместе с тем, несмотря на неотложный характер данной процессуальной меры и отсутствия в этой связи возможности своевременного извещения всех заинтересованных лиц, тем не менее, суды не вправе отказать в участии в судебном заседании лицам, явившимся по собственной инициативе, и чьи имущественные интересы могут быть затронуты судебным актом о наложении ареста. В противном случае будет нарушен один из основополагающих конституционных принципов - доступность правосудия - производного от права на судебную защиту и абсолютного по своей сущности.

С учетом изложенного Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики приходит к выводу о том, что часть 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики отвечает публично-правовым целям уголовного судопроизводства и не противоречит части 3 статьи 6, части 3 статьи 16, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40, частям 3, 5 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики при условии не нарушения судами принципа доступности правосудия для заинтересованных лиц на основе иных норм Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

4. Несмотря на то, что предназначение наложения ареста на имущество носит существенный публично-правовой характер, регулирование всех сторон этого ограничения должно быть выверенным и не нарушать баланса публичных и частных интересов. В решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 10 сентября 2014 года было отмечено, что по содержанию части 2 статьи 12 Конституции во взаимосвязи ее со статьей 20 (часть 2) ограничение права собственности в целях защиты прав и свобод других лиц может быть обусловлено, в частности, необходимостью обеспечения восстановления прав потерпевшего и компенсации причиненного ему ущерба.

Дисбаланс в данном вопросе с большой вероятностью возникает тогда, когда в сферу ограничений права собственности вовлекаются лица, которые

не выступают участниками уголовного процесса (подозреваемыми, обвиняемыми), но в силу различных обстоятельств, в том числе, не связанных с действиями подозреваемых, обвиняемых их собственность подвергается аресту. Иначе говоря, когда по предположению органов досудебного производства определенное имущество связано с преступными действиями подозреваемого, обвиняемого, но, по мнению собственников, оно таковым не является.

В соответствии с частью 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики законодатель предоставил прокурору, подозреваемому, защитнику, потерпевшему, его представителю право обжалования постановления следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество. В то же время не предусмотрел возможность обжалования постановления следственного судьи о наложении ареста на имущество. При этом в круг лиц, имеющих право обжалования постановления следственного судьи, не включены другие лица, чьи имущественные интересы могут быть нарушены этим постановлением.

Право на судебную защиту и право на пересмотр дела вышестоящим судом являются взаимообразующими и взаимообусловленными правовыми гарантиями, закрепленными Конституцией Кыргызской Республики (пункты 3, 8 части 5 статьи 20, часть 1 статьи 40 Конституции).

Конституция Кыргызской Республики, гарантируя каждому судебную защиту прав и свобод одновременно предусматривает, что процессуальные права участников судебного процесса, а также порядок их осуществления определяются законом (часть 5 статьи 99). Тем самым, учитывая специфику отправления правосудия, предполагается, что заинтересованные лица вправе обратиться в суд за защитой нарушенного или охраняемого законом интереса в строго установленном порядке. При этом принятые законодателем требования при обращении в суд должны быть обязательны для всех обращающихся в равной степени и, во всех случаях, не должны создавать

необоснованных препятствий в доступности правосудия (Решение от 16 сентября 2020 года).

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в решениях от 31 октября 2014 года, 4 апреля 2018 года также отмечала, что эффективной гарантией права на судебную защиту является возможность пересмотра дела вышестоящим судом. Право на обжалование судебных решений вытекает из существа международно-правовых актов, закрепляющих гарантии прав личности в сфере судопроизводства, и пункта 3 части 5 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики, предоставляющей каждому право на повторное рассмотрение дела вышестоящим судом. Данное право является одной из составляющих права на судебную защиту и носит абсолютный характер, не может быть ограничено по кругу лиц либо по иным обстоятельствам, поскольку незаконный, необоснованный или несправедливый судебный акт не может служить средством судебной защиты.

В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики и уголовно-процессуальным законодательством уголовное судопроизводство должно осуществляться на основе равноправия и состязательности сторон обвинения и защиты (часть 3 статьи 99 Конституции, часть 1 статьи 18 УПК). Только в случае принятия данного принципа за основу организации уголовного процесса возможно четкое разделение функций обвинения и защиты, наделение их равными возможностями по предоставлению доказательств и отстаиванию своих позиций. Кроме того, задачей уголовного судопроизводства признается в равной степени как защита личности, общества и государства от преступлений и проступков, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пункты 1, 2 статьи 6).

Арест имущества лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу, во всех случаях будет являться существенным и чувствительным воздействием на его конституционные права и свободы. В

этой связи имеет важное значение какими правовыми механизмами он в реальности наделен для защиты своих интересов.

Арест имущества, являясь принудительной мерой обеспечения уголовного судопроизводства, может носить сугубо процессуальный характер, соответственно, не может быть произвольным и должен обуславливаться причастностью конкретного лица к преступной деятельности или преступным характером происхождения конкретного имущества. Лицо, осуществляющее досудебное производство и ходатайствующее о наложении ареста на имущество, должно предоставить следственному судье обоснованные, процессуально закрепленные основания для наложения ареста. Однако, часто неотложный характер ареста на имущество в совокупности с тем, что в качестве доводов по его применению органами досудебного производства могут быть использованы, в том числе, и данные оперативно-розыскного происхождения, которые без соответствующего уголовно-процессуального оформления не могут иметь доказательственного значения, дают веские основания полагать о возможности допущения судебной ошибки при решении вопроса об аресте имущества.

В то же время, сохранение режима ареста на имущество при длительных сроках следствия на досудебном и судебном стадиях, а также приостановлении следствия в предусмотренных законом случаях на неопределенное время, при отсутствии эффективных механизмов защиты прав собственников по своему содержанию сопоставимо с изъятием имущества, применяемым исключительно по решению суда. Отсюда следует, что режим ареста объектов собственности в целом не может быть незыблемым и не подлежащим оспариванию, в том числе, лицами, не обладающими статусом участников уголовного процесса, но, будучи фактическими собственниками арестованного объекта, могут и должны иметь право оспорить обоснованность ограничения их имущественных прав как на этапах досудебного, так и судебного производства.

Учитывая, что лица могут привести достаточно обоснованные доводы об отсутствии причинно-следственной связи появления в их собственности арестованного имущества с преступными деяниями подозреваемого, обвиняемого, невозможность их участия в судебном заседании не обеспечивает конституционной гарантии реального доступа каждого к правосудию. Не предоставление участникам уголовного процесса, а также отмеченной категории лиц права на обжалование постановления следственного судьи об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество приводит к возможности ареста имущества без процессуальных гарантий защиты прав собственника, соответственно не отвечает предписаниям части 3 статьи 16, пунктов 3, 8 части 5 статьи 20, частей 1, 2 статьи 40, части 3 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики.

Уголовно-процессуальным кодексом в числе фундаментальных принципов уголовного судопроизводства значится принцип обжалования любых процессуальных действий (бездействий) и решений (статья 21), который, безусловно, должен найти свою реализацию также в вопросе обжалования решения следственного судьи о наложении ареста на имущество, с предоставлением такого права и лицам, не являющимся подозреваемым или обвиняемым.

Недостатки существующего правового регулирования отмеченного порядка могут привести к недопустимому ограничению прав собственности лиц, не имеющих какой-либо связи с преступными действиями подозреваемого, обвиняемого.

Таким образом, отсутствие возможности обжалования ареста на имущество, в том числе, лицами, не являющимися подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, не обеспечивает надлежащую защиту права собственности, вытекающей из принципа ее неприкосновенности, а также гарантии судебной защиты, принципа состязательности и равенства сторон уголовного судопроизводства, а потому не может быть признан соответствующим части

3 статьи 6, части 3 статьи 16, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40, частям 3, 5 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 1 части 6, частями 7 и 8 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 46, 47, 48, 51 и 52 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики,

Р Е Ш И Л А:

1. Признать часть 2 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, не противоречащей части 3 статьи 6, части 3 статьи 16, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40, частям 3, 5 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики при условии ее применения в конституционно-правовом смысле в соответствии с пунктом 3 мотивировочной части настоящего Решения.

2. Признать часть 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречащей части 3 статьи 6, части 3 статьи 16, пунктам 3, 8 части 5 статьи 20, частям 1, 2 статьи 40, части 3, 5 статьи 99 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в которой не предусмотрена возможность обжалования постановления следственного судьи о наложении ареста на имущество, в том числе, лицами, чьи интересы нарушены этим постановлением.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционной палаты и в «Вестнике Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ПАЛАТА
ВЕРХОВНОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

По данному делу имеется особое мнение судьи Бобукеевой М.Р. (см. ниже).

Особое мнение
судьи Конституционной палаты Верховного суда
Кыргызской Республики Бобукеевой Меергуль Рыскулбековны

В соответствии со статьей 49 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» излагаю своё особое мнение в отношении пункта 3 мотивировочной части (пункт 1 резолютивной части) решения Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики по делу о проверке конституционности частей 2 и 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее-УПК) в связи с обращениями Лесниченко Владимира Александровича, Касымова Сухраба Шавкатовича, а также Борова Ислама Султановича, представляющего интересы Кыргызско-Российского общества с ограниченной ответственностью «Фирма АКIF» («АКИФ»).

Мною разделяются содержащиеся в мотивировочной и резолютивной части выводы Конституционной палаты относительно неконституционности части 5 статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса.

Однако касательно части 2 статьи 259 УПК полагаю, что Конституционная палата пыталась найти компромисс, чтобы «облегчить судьбу» лиц, чьи интересы могут быть затронуты судебным актом о наложении ареста на имущество, которые являются фактическими собственниками имущества, путём специальной оговорки. Так, Конституционная палата, обосновывая такую позицию, отметила, что несмотря на оперативный характер данной процессуальной меры и отсутствия в этой связи строгой необходимости извещения всех заинтересованных лиц, тем не менее, суды не вправе отказать в участии в судебном заседании лицам, явившимся по своей инициативе, и чьи интересы могут быть затронуты судебным актом о наложении ареста на имущество.

Не могу согласиться с такой аргументацией, приведённой в пункте 3 мотивировочной части Решения, соответственно, и с выводами в

резольютивной части, поскольку такое регулирование вопроса повлечёт ещё большее количество вопросов, чем решит суть проблемы. Особенно, когда правоприменители предпочитают нормативистский подход к праву, обязательность формального закрепления в законе норм, есть риск, что отсутствие процессуального статуса в уголовном законодательстве, лиц чьи интересы могут быть затронуты судебным актом о наложении ареста на имущество, может негативно повлиять на возможность их участия в судебном процессе и реализацию права на судебную защиту.

Кроме того, конституционные установления о гарантиях права собственности совершенно ясно и прямо показывает, что государству вменяется обязанность по обеспечению его неприкосновенности, в противном случае данный принцип остаётся лишь декларацией, без надлежащего наполнения его конкретным правовым содержанием.

Указанное совершенно недопустимо для правового государства, поскольку без участия фактического собственника имущества, в отношении которого решается вопрос о его аресте, конституционная гарантия защиты права собственности как неприкосновенного объекта ставится под сомнение, тем самым она подвержена риску, а именно в решении вопроса определения его юридической судьбы. Более того собственник имущества лишенный права участвовать в судебном процессе по вопросу дальнейшей судьбы своего имущества - лишается права его полноценной защиты, что равнозначно лишению права на судебную защиту, являющегося базисом правового и демократического государства, поскольку позволяет обеспечить, а в случае необходимости, восстановить гарантированные Конституцией Кыргызской Республики все другие права и свободы человека и гражданина.

В рамках, указанных в части 2 статьи 259 УПК процессуальных действий следственный судья осуществляет судебный контроль, который является формой реализации и функцией судебной власти и направлен на недопущение нарушения и обеспечение защиты прав и свобод человека.

В этой связи, решение следственного судьи должно быть достаточно мотивированным и содержать подтверждённую информацию, доказывающую, что имущество, в отношении которого рассматривается вопрос о наложении ареста принадлежит подозреваемому. То есть, следственный судья должен обосновать своё постановление о наложении ареста, указав на конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он его принял, и установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. На следственную судью возлагается обязанность правильной дачи оценки по установлению прямой связи принадлежности имущества подозреваемому, на которое может быть наложен арест. Другими словами, в решении о наложении ареста на имущество необходимо указать сведения об основаниях наложения ареста, о перечне имущества, подлежащего аресту, о том, где оно находится и кому оно принадлежит.

Изучая аргументы в мотивировочной части, изложенные в Решении Конституционной палаты, а также анализируя диспозицию части 2 статьи 259 УПК, встаёт закономерный вопрос: в чём заключается смысл судебного контроля на предварительном следствии и как за короткий срок (24 часа) следственный судья может привлечь всех заинтересованных лиц по делу? Соответственно, приходишь к выводу о том, что оспариваемая норма является классической формой правовой фикции, нивелирующий принцип неприкосновенности собственности, искажающий предназначение судебного контроля, и как следствие ведущий к нарушению прав фактических собственников имущества.

Судья

М.Р. Бобукеева